

Окружение Снежной Равнины Ваньлай менялось каждую секунду. Только что ты знал, в каком направлении хочешь идти, но в следующее мгновение с ужасом и разочарованием обнаруживал, что дорога исчезла...

Или же каждая дорога перед глазами казалась одинаковой, и в то же время отличной...

— Однако... — Ли Ансюань поднял голову и посмотрел на небо с презрением. — Мелкие трюки. Я посмотрю, чего ты добиваешься, заманив меня сюда?

Сказав это, он уверенно полетел в одном направлении на мече, не останавливаясь ни на мгновение.

А та короткая пауза длилась лишь столько, сколько нужно, чтобы взглянуть на небо.

Он не спешил, но окружающая среда вокруг него словно внезапно ожила, проявляя крайнюю тревогу.

Присмотревшись внимательнее, можно было заметить, что иллюзия, менявшаяся каждое дыхание, в мгновение ока ускорила трансформацию. Всё мелькало так быстро, что глаза не успевали видеть, главной целью было заставить Ли Ансюаня потерять направление, словно ему препятствовали в продвижении вперед. Но чем больше она старалась, тем больше Ли Ансюань был уверен, что за всем стоит кукловод. Чем сильнее препятствие, тем больше он хотел добраться до того места, которое манило его из глубины души, и разобраться во всем.

Поэтому он увеличил скорость, доведя её до предела.

Тот постоянно меняющийся снежный пейзаж, подобный раскрывающимся лепесткам цветка, наводящему ужас, уже был жестоко оставлен позади Ли Ансюанем и просто не мог поспевать за его скоростью. Выглядело это так, будто он намеренно замедлился.

В характере Ли Ансюаня сквозила крайняя одержимость, можно сказать, он не подчинялся ничему. И в характере современного Ли Фаньиня тоже, в большей или меньшей степени, прослеживалась тень Ли Ансюаня.

Он пробивался сквозь усиливающийся снегопад, перелетая через хребты гор, прозрачных и сияющих бледно-голубым льдом.

Те горы издали казались невысокими. Но когда он постепенно приближался, они вели себя точно так же, как только что меняющаяся снежная равнина: они становились выше, превращаясь в невероятно острые пики, словно перевернутые мечи, от которых веяло холодом.

Но Ли Ансюань совершенно не обращал на это внимания, напротив, это поведение, словно открытое вызов, окончательно разозлило его. Увидев горы, он собрал на кончиках пальцев огромное количество духовной силы и холодно произнес:

— Истребление Небес!

Сразу же раздались звуки разрушения гор. Оглянувшись по сторонам, можно было увидеть, как горы перед глазами словно дикие звери в панике разбежались, издавая последний пронзительный треск льда, похожий на предсмертный стон, а затем полностью обрушивались, превращаясь в равнину!

И самая центральная гора тоже раскололась, но не полностью разлетелась на куски, а лишь

слабо держалась together, словно лук с перетянутой тетивой.

Однако из расщелины в середине той горы едва уловимо потек аромат лотоса. Это привлекло внимание Ли Ансюаня. Он шагнул внутрь пещеры. Не знаю, показалось ли ему, но он обнаружил, что всё вокруг словно остановилось, больше не двигалось...

А чем ближе он подходил к пещере, тем яснее становился тот голос в его сердце.

— Похоже, именно здесь! — его холодные глаза потемнели, и он продолжил движение внутрь.

Чем глубже он заходил, тем становилось светлее. В центре пещеры даже исходило слабое водянисто-голубое свечение.

Наконец войдя в центр пещеры, даже Ли Ансюань не мог удержаться от удивления, его зрачки резко сузились.

В центре пещеры было маленькое голубое озеро. И в этот момент озеро замерзло с опасной и зловещей скоростью от берегов к центру.

А тот лед явно был не простым: его цвет был темнее, чем у только что виденных ледяных гор в форме мечей. С одного вида было ясно, что он не простой и таит в себе зло!

Но больше всего его поразило то, что в центре озера находился новорожденный младенец. Все тело его было чисто-белым, словно снег, прекрасно и безупречно, а глаза напоминали черное звездное небо с миллиардами звезд.

Он едва не был поглощен этим пожирающим людей озером! Но неизвестно откуда внезапно появился лотос, большой лист которого обернул ребенка и поднял его.

И тот лист лотоса, очевидно, мог выдержать недолго. Не говоря уже о том, что лед сейчас должен был дойти до центра озера, просто температура в озере вряд ли была высокой. Хрупкий лист уже начал раскачиваться, вот-вот готовый рухнуть.

Ли Ансюань даже не думал, он сразу призвал свой меч Сюаньсинь, который с быстротой молнии вылетел, скользнул над поверхностью озера, срезал стебель лотоса и вместе с листом и ребенком вернулся обратно.

В итоге, как только Сюаньсинь срезал стебель, оставшаяся часть уже не выдержала и мгновенно покрылась слоем голубого инея.

Он еще не был женат, и детей, естественно, не имел. Поэтому, прижимая к себе этот мягкий комочек, похожий на маленькое животное, и выглядевший невероятно хрупким младенцем, он немного растерялся, всё тело напряглось, словно перед лицом сильного врага.

Поза была крайне смешной, но этот крошечный ребенок поднял голову и застенчиво смотрел на него, словно с любопытством. В нем даже едва уловимо проступило чувство привязанности, двумя маленькими ручками он крепко ухватился за его лацкан одежды.

Не зная почему, в этот мигновение его сердце внезапно стало невероятно мягким, словно его озарил луч мягкого солнечного света. Человек тянется к этому, проникается этим и не может расстаться.

Его всегда напряженное выражение лица тоже невольно смягчилось. Он опустил взгляд и

посмотрел на этот крошечный комочек: маленькие ушки казались полупрозрачными, волосы были черными, и даже не трогая их, одним видом было понятно, что они очень мягкие. Черты лица были как на картине, с двумя милыми ямочками. Он сразу же ему понравился, и он просто и грубо отнес его к категории «личная собственность».

Он смотрел, как ребенок послушно лежит у него на руках, не плачет и не капризничает. На краю уха как раз торчал локон волос, и ему вдруг захотелось потрогать рукой. Не выдержав, он потянулся и коснулся, ощущения от прикосновения оказались даже лучше, чем он представлял. Тогда он снова не выдержал и тихонько дернул за то маленькое ушко.

В результате на этот раз малыш заплакал, но не издал ни звука, а лишь уткнулся к нему в грудь и всхлипывал. Те черные, прозрачные большие глаза, смоченные слезами, выглядели еще более милыми? Ли Аньюань подумал без малейшей совести.

Однако вскоре он обнаружил, что малыш плачет не из-за этого. А из-за того, что лист лотоса, на котором он лежал, в этот момент с видимой скоростью быстро увядал. Малыш крепко держал его и не отпускал.

А в пещере разливалась атмосфера непонятной печали, словно это была прощальная нежность матери к ребенку.

Это почему-то вызвало у Ли Аньюаня раздражение. Он притворившись жестоким, вырвал из рук ребенка тот кусок засохшего листа и с бесстрастным видом спрятал его.

Затем, не обращая внимания на его круглые глаза, полные жалобы и несчастья, еще более бессердечно сменил позу, прижав его к себе лицом. Затем он достал защитную снежно-белую меховую шубу и плотно укутал его в неё. Хотя сам, войдя в этот ледяной снег, был одет всего в одну тонкую зеленую одежду. Но он инстинктивно чувствовал, что эта, казалось бы, невероятно хрупкая мелочь замерзнет.

Затем он позволил ему положить голову себе на грудь, полностью перекрыв обзор, чтобы он не мог смотреть в озеро.

Когда он уходил, он поступил так же, как с той горой-мечом: как только вышли Законы, всё обратилось в ничто! Он полностью уничтожил то озеро. А как только озеро было уничтожено, те соединенные горы тоже исчезли без следа...

И это место больше не было снежной равниной, а вдруг появились зеленые горы и синие воды.

А когда он вышел из Снежной Равнины Ваньлай, тот ребенок, который всё это время прятался у него на груди, вдруг высунул маленькую головку, моргнул и нежным голосом позвал:

— Папа...

А затем, прежде чем Ли Аньюань успел прийти в себя, засунул ему в рот ароматное семя лотоса.

В то же самое время та снежная равнина духовной области исчезла очень странным образом, словно ее никогда не существовало.

Вдали приближалась небесная кара, он снова собирался повысить уровень. У него было предчувствие, что на этот раз он перепрыгнет средний и поздний этапы Преобразования Духа и вернется на Тайсю...

Он опустил взгляд и посмотрел на маленькую вещь у себя на груди, и в его холодном и безжалостном голосе внезапно появилось тепло. Он улыбнулся:

— Инь-инь, отныне тебя будут звать Инь-инь!

Ли Аньсюань и Ли Фаньинь пробыли в мире людей несколько дней, прежде чем медленно собрались возвращаться. Даже Дао-лорд Цинхун, вероятно, не мог бы представить, что его обычно послушный маленький ученик, съездив домой, стал так любить развлечения и был потакаем своим отцом, у которого были свои интересы, который брал его с собой играть.

<http://bllate.org/book/16649/1525358>